

ВНУТРЕННИЙ ФРОНТИР КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

Теоретические подходы к изучению пограничья и приграничных отношений уже давно вышли за рамки собственно международных отношений. Начиная с 80-х гг. XX в., многие гуманитарные учёные осознали, что феномен границы не замыкается лишь на проблемы собственно отношений между странами, а касается самых разнообразных вопросов функционирования пространства границы и субъектов этого пространства. Всё это приводит к появлению такого научного направления, как пограничные исследования (Border Studies). Учитывая новые подходы, мы, тем не менее, обращаемся к отнюдь не новой методологии, описывающей проблему лиминальных и трансграничных территорий, т.е. фронтальной теории. Исходя из нового понимания фронта как территории встречи культур или границы институционального разлома, мы предлагаем использовать эту теорию для анализа происходящих на границе процессов. По нашему мнению, наиболее удачным для анализа пограничных процессов и межгосударственных отношений может служить модель «внутреннего фронта», предложенная американским историком И. Копытоффом для анализа традиционных обществ. Мы полагаем, что эта модель может быть продуктивной и для понимания стратегий развития ряда пограничных территорий, находящихся в зоне интересов нескольких метрополий.

Ключевые слова: внутренний фронт, фронтера, граница, приграничные исследования, стратегия регионального развития, международные отношения

INTERNAL FRONTIER AS A FACTOR OF INTERSTATE RELATIONS

Yakushenkov Sergei N., D.Sc. (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: shuilong@mail.ru

Theoretical approaches to the study of borderlands and cross-border relations have long gone beyond the scope of international relations. Since the 80-ies of XX century, many social scientists have realized that the phenomenon of the border is not closed only to the problems of relations between the countries, but relates to a variety of issues of the functioning of the border space and the subjects of this space. All this leads to the emergence of such a scientific branch as Border Studies. Considering new approaches, the authors nonetheless appeal to an old methodology that describes the problem of the peripheral and even trans-border territories, i.e. Frontier theory. Using a new understanding of the Frontier as a meeting of cultures or «institutional fault», the author proposes to use this theory to analyze the essence of the border processes. According to the authors, the model of «internal frontier» proposed by the American historian I. Kopytoff for the analysis of traditional societies can be very useful for the analysis of border processes and inter-state relations. The author believes that this model can be productive also for understanding of the development strategies of border areas falling within the area of interest of several Metropoles.

Keywords: Internal Frontier, Frontera, border, Border Studies, strategy of regional development, international relations, methodology of border studies

Несмотря на то, что проблема пограничья и пограничных территорий является отнюдь не новой в мировой науке, однако до недавнего времени феномен пограничья и границы не рассматривался как отдельное направление в науке и не обладал сколь-нибудь целостной теоретической базой. Видные американские специалисты в области международных отношений Г. Старр и Б. Мост отмечали в 1976 г., что «хотя международные границы имеют большое значение для понимания процесса «формирования» международной системы и являются частью тех структурных характеристик, которые влияют на возможности взаимодействия госу-

¹ Статья выполнена по Гос. заданию № 35.6373.2017/БЧ «Построение модели традиции и инновации в пространстве фронта». (The article is made by the State assignment number 35.6373.2017 / BC "Building a model of tradition and innovation in the space of the frontier".)

дарств, концептуализации этой проблемы уделяется мало внимания» [14, р. 581]. И лишь в последнем десятилетии XX в. на стыке самых разнообразных наук начали формироваться условно называемые «пограничные исследования» или «приграничные исследования» (Border Studies, Borderland Studies). Парадоксальной стороной Border Studies явилось то, что помимо собственно практической стороны этих исследований мощнейший импульс и всестороннюю поддержку они получили со стороны, казалось бы, далекой от исследований, связанных с изучением границы. Среди подобных дисциплин были феминистские исследования, дисциплины занимающиеся проблемами меньшинств (Subaltern Studies), постколониальные исследования, теоретики культуры, антропологи и т.д. Конечно, не следует забывать про собственно дипломатов, политологов, историков, философов, филологов и т.д. Такое повышенное внимание со стороны научных направлений, не связанных напрямую с проблемами международных отношений, было следствием того, что в последнем десятилетии XX в. наука от конкретной проблемы «пограничья» начала анализировать концепт «границы». Проблема «границы» из плоскости онтологии перешла в проблему гносеологии. Для многих представителей гуманитарных и социальных наук было важно понять не только то, как функционирует граница, но и то, что социум понимает под этим феноменом и как он выстраивает эту границу, отделяя себя от других. Именно такой подход приводит к обоснованию «пограничного мышления» (Borderthinking) [8].

Граница, по мнению некоторых теоретиков постколониализма, – это не только пространственно-конвенциональная линия между государствами, но и определённый эпистемологический барьер, сконструированный на основе различных систем знания: «Пограничное мышление или теоретизация возникли и как ответ на насилие... имперской / территориальной эпистемологии и риторику модернистской (и глобализации) идеи спасения, которая по-прежнему осуществляется с учетом неполноценности или дьявольских намерений Другого и, поэтому продолжает оправдывать угнетение и эксплуатацию, а также искоренение этого различия. Пограничное мышление – это эпистемология внешнего; т.е. находящегося снаружи, но созданного внутри» [9, р. 207]. Такой теоретической поворот от собственно проблем пограничья (т.е. из области международных отношений) в область философии лишь на первый взгляд может казаться странным. Он лишь демонстрировал попытку пересмотра глобальной методологии науки, попытку перейти от частной проблемы границы к проблеме картины мира, в которой «границы» (в широком смысле этого слова) оказывались институтами, навязанными одними народами другим. Неслучайно одними из первых, кто поднял этот вопрос, были латиноамериканские философы, пытавшиеся определить своё место в новом мироустройстве, описываемом ими через призму колониализма, империализма и т.д. Поэтому закономерно, что новый «приграничный» дискурс начинается с биографической книги чикано Глории Ансальдуа «Приграничье / Ла фронтера. Новая метиска» [1], в которой она представляет сразу несколько смешанных культурных и экзистенциальных гетеротопий: пограничье (американо-мексиканская граница), смешанное происхождение (мексиканско-американские корни), положение женщины в мире маскулинной доминанты и т.д.

Не оспаривая правильность подходов постколониальных теоретиков к проблеме границы, мы бы хотели рассмотреть феномен границы в ином ключе, вернув проблему из гносеологической области интерпретации смыслов в область практического рассмотрения феномена границы. И в этом плане, как ни странно, уже упомянутая работа Г. Ансальдуа подводит нас к ещё одному варианту методологического подхода рассмотрения проблемы пограничья – фронтирной теории. Фронтир, как теоретическая проблема, требует особого пояснения и уточнения терминологии. К сожалению, в российской научной традиции укоренилось представление о фронтире как столкновении цивилизации и дикости, в то время как современные подходы к феномену фронта довольно-таки расширительно толкуют этот термин. Попытаемся разобраться в том, как фронтирная теория может помочь нам понять проблему пограничья, продемонстрировав старые и новые подходы к определению феномена фронта.

После того, как Ф.Дж. Тёрнер сформулировал свою теорию о роли фронта в американской истории. Она не только получила огромную поддержку со стороны большинства американских историков, но и была развита и дополнена его многочисленными последователями в США и других странах.

Создавая свою теорию, Тернер первоначально исходил из уникального американского опыта, состоящего из наличия огромных территорий свободных «незаселённых» земель. Правда, он, как, впрочем, и другие американцы, не учитывал индейские племена, проживающие на этой территории. Это отношение к индейцам было вызвано тем фактом, что они воспринимались как невладельцы земель, даже если с ними и заключались договора, в которых особо оговаривалось их право на землю. Их хозяйственная модель владения землей не соответствовала представлениям европейцев и американцев о праве на землю. Лучше всего в некоей лаконичной форме эту модель отразили создатели фильма «Марсианин» (2015, реж. Р. Скотт), снятого по одноименному роману Э. Уира. По сюжету фильма, американский астронавт Марк Уотни (актер М. Деймон) оказывается оставленным на Марсе командой астронавтов, посчитавших его мертвым. Перед ним встает сложная задача выживания на суровой планете. После невероятных трудностей ему удается соорудить оранжерею, в которой он начинает выращивать картофель, используя для этой цели оставленные астронавтами корнеплоды. Это позволяет ему не умереть с голоду. Наконец, он смог наладить коммуникацию и начинает получать электронные письма с Земли. В одном из писем, посланных ему из его альма-матер – Чикагского Университета, говорилось, что «если ты где-то что-то вырастил, то ты официально “колонизовал” эту землю» [18, р. 147]. Но ещё раньше этот посыл, правда, в несколько менее категоричной форме, прозвучал и в советской песне 1963 г. «И на Марсе будут яблони цвести» (музыка В. Мурадели на стихи Е. Долматовского), написанной специально для фантастического фильма «Мечте на встречу». Слова песни, звучащие почти рефреном, про яблоневые сады, цветущие на Марсе, – этот тот же самый колонизационный посыл – стремление превратить другие земли, планеты в цветущий сад или засеять там зерновые, т.е. подвергнуть их трансформации, колонизовать, сделать своими. Именно поэтому главный герой фильма «Марсианин» и восклицает, что технически он «колонизовал» Марс. Мы уже указывали, что мотив создания «города-сада» был довольно-таки распространён на фронтире, как американском, так и российском [24].

Следующий момент, который очень важен для понимания фронтирной парадигмы, заключался в том, что фронтир с точки зрения американцев – особая территория с «плотностью населения не менее двух и не более шести человек на кв. милю» [2, р. 3]. Но вряд ли этот принцип дефиниции фронта через плотность населения применим к фронтам в других регионах. Даже сам Ф. Тернер замечал, что «американский фронтир резко отличался от европейского, представлявшего собой укрепленные пограничные линии, проходящие через густо населенные местности» [22, с. 14]. Однако Тернер так и не дал определения фронта. Для него было всё просто и понятно. Будучи человеком, живущим на фронтире, он не нуждался в его определении. Фронтир, с его точки зрения, представлял собой нечто вроде жизни в Висконсине в виде бескрайних просторов Дикого Запада и переселенцев, отвоёвывающих у дикой природы и индейцев своё право на существование. Это была территория бескрайних возможностей, где и выкристаллизовывался фронтирмен. Подтверждение этому он видел прежде всего в политической активности нового человека [22, с. 191]. Схожих позиций придерживался и другой американский – У.П. Уебб, заявлявший о том, что, хотя слово «фронтир» содержит общий смысл для большинства западноевропейских языков, «в США слово “фронтир” имеет полностью иное значение, и несёт в себе совершенно отличный ряд различных имплементаций и коннотаций. Оно превратилось в концепт с огромным числом параллельных значений и оттенков, что ему невозможно дать чёткое определение» [16, р. 2]. В отличие от Франции, где слово «фронтир» чаще всего означает «пограничье», американцы никогда не применяют слово фронтир по отношению к государственным пределам или границе. Как замечает Уебб, для обозначения границы с Канадой американцы употребляют термин «пограничье» (“boundary”), а для Мексики – «граница» (“border”) [16, р. 2]. По его мнению, специфика фронтирного пространства (природного, социального и политического) заключалась в том, что на территории фронта образовывался институциональный разлом (institutionalfault). «Линия разлома проходила от Иллинойса или Дакоты до Техаса, приблизительно по 98 меридиану. На этом разломе образ жизни человека существенно менялся. Практически каждый институт, попавший на эту территорию, претерпел изменения» [17, р. 9].

Не оспаривая тезис Тёрнера о важности фронта в американской истории, заметим, что нас интересует фронт как универсальное явление, характерное для самых различных стран и регионов. Ещё Тёрнер указывал на то, что фронт является частью исторических процессов во многих странах мира и что «сравнение американского опыта с опытом колонизации в таких странах, как Россия, Германия, и в английских колониях в Канаде, Австралии и Африке, может быть весьма продуктивно» [15, р. 19]. Легко увидеть в подобной сентенции Тёрнера его подход к фронту как колонизации, выражавшейся в продвижении цивилизации в сторону дикости. Уже упомянутое определение фронта через призму плотности населения не столь важно для Тёрнера. Он сам пишет, что перепись 1890 г. показала, что многие графства на Среднем Западе обезлюдели, так как местное население из этих мест отправилось дальше на Запад [22, с. 28]. Фактически эти графства уже не представляли фронт, однако плотность населения в них резко понизилась из-за оттока населения. Учитывая тот факт, что в конечном итоге и Тёрнер, и его ученик Р.А. Биллингтон начали подразделять фронт на различные подвиды (трапперский, скотоводческий, фермерский и т.д.), представления о фронте лишь как о «месте контакта дикости и цивилизации» [22, с. 14] не имеет под собой определённой почвы. Ситуация, при которой одну волну переселенцев сменяла другая, не соответствовала модели «дикость / цивилизация». Здесь же следует добавить и европейскую специфику, при которой большого разрыва в развитии контактирующих народов не было, да и в России мы можем наблюдать различные типы фронта. В одних случаях можно констатировать наличие определённого разрыва в развитии фронтных акторов, но во множестве других случаев во фронтных процессах участвовали народы, хотя и различные по культуре, однако находящиеся приблизительно на одном уровне развития. Нередко, правда, присутствовало кардинальное различие хозяйственных типов (земледелие и скотоводство), но не более. Примером относительного равенства развития фронтных акторов может служить кавказский фронт России. Нет никаких оснований представлять один из народов Кавказа и Закавказья в терминах «дикости», однако весь процесс проникновения России в эту территорию соответствовал фронтному. Здесь, как и в предыдущем случае, особую роль играли культурные различия, но не стадийные.

И, наконец, типичным примером фронтного процесса можно считать и продвижение России в XVI–XVII вв. на юг в Украину. Даже само название Украины – «окраина» – указывает на её фронтный характер по отношению к метрополии. В данном случае мы имеем уникальный вариант близости (стадийной и культурой) фронтных народов, причём этот фронт был многополярным. В данном фронтном процессе участвовали и другие народы: немцы, турки, крымские и ногайские татары и т.д.¹ Возможно, в данном случае нам следует говорить не об одном фронте, а о различных мелких или региональных фронтах. Но если мы признаем такой вариант, то мы можем выделить ряд территорий, где все эти фронты будут перекрывать друг друга, взаимодополняя. Всё это приводило к особой ситуации наличия множества акторов, преследующих собственные интересы. И на подобном фронте выстраивалась сложная система международных отношений, в которой каждый из акторов вынужден учитывать интересы множества сторон, действуя в соответствии с особенностями времени и спецификой противника или союзника.

В таких ситуациях плотность фронтного населения не играет какого-либо значения. Она может быть высокой или низкой. Существование свободных земель или их отсутствие также не столь важно. Движение одного из субъектов на территорию фронта оказывается продиктованным лишь наличием подобногосоперника². Ну и сами объекты фронтных процессов оказываются заложниками действий фронтных субъектов, будучи лишёнными, как правило, возможностей свободы выбора. В ряде случаев любой выбор для них проигрышный. Поэтому не имеет смысла сводить понимание фронта лишь к старой модели колонизации незанятой земли, которую надо отвоевать у индейцев. Эта оценка фронта сохранилась в США до середины XX в., но утратила полностью своё значение. В Европе, с её плотностью

¹ Украинский историк С. Плохий выделяет два главных фронта в Украине в XVIII в.: между восточным и западным христианством, между христианством и исламом [11, р. 133].

² В середине XX в. американский статистик Л. Ричардсон сумел показать статистически корреляцию наличия числа фронтных территорий и числом конфликтных ситуаций с соседями [13, pp. 176–181].

населения, относительным равенством развития сложно найти примеры схожего исторического сценария «фронтальных процессов». Вместе с тем, уже в XIX в. во многих частях Азии англичане использовали термин «фронт» для обозначения явлений, неаналогичных американскому [3; 5; 10; 12]. Кроме Азии фронт для англичан имел место в Египте, Судане, Абиссинии, Сомали, Мальте и т.д. Тот факт, что американцы столкнулись с иной ситуацией, привело к тому, что слово фронт в американской интерпретации приобрело иное, отличное от Старого Света значение [16, р. 2]. Но как только американские учёные в середине XX в., признав универсальный характер фронта, попытались отойти от старых моделей, они дали ему новое определение. Одним из первых, кто попытался это сделать, был американский историк из Калифорнии Дж. Форбс. Он определял фронт как «ситуацию межгруппового контакта, то есть как любой не одновременный контакт между двумя этническими, культурными или национальными группами. Таким образом, фронт является примером динамического взаимодействия между людьми и включает в себя такие процессы, как аккультурация, ассимиляция, метисация, расовые предрассудки, завоевание, империализм и колониализм» [4, р. 207]. Нет ничего удивительного в том, что именно он стал одним из первых, кто осмелился дать подобное определение. Для Форбса, как индейца, было очевидно, что фронт – это не одностороннее движение на Запад. У этого феномена две стороны, так как по ту сторону границы был свой фронт, в котором участвовали его предки – коренные американцы.

Со временем именно такой подход стал преобладать в американской теории фронта. Тем более что американцам пришлось расширить эту теорию до общего понимания фронта без относительно американской истории. Поэтому, когда такие видные теоретики фронта, как Г. Ламар и Л. Томпсон, попытались сравнить фронтальные процессы в США и Африке, они определили фронт как «территорию или зону проникновения между двумя ранее различными обществами» [7, р. 7]. И если в 60-х гг. XX в. подход Дж. Форбса был скорее исключением, результатом его особого видения, то взгляды Г. Ламара и Л. Томпсона – это позиция американского истеблишмента (Г. Ламар был президентом Йельского университета).

Но такое расширенное толкование фронта породило другую проблему: «зона или территория контактов» – понятие очень расплывчатое, позволяющее применить теорию фронта к культурным процессам различного типа, в том числе и к пограничью.

Правда, в нашем случае нас интересует не всякий фронт, а лишь тот, в котором наличествует несколько контактных зон, т.е. фронт, возникающий в зонах множества контактов. Мы уже говорили о Кавказе и Закавказье, Украине, Приамурье и т.д. Подобный фронт получил название «внутреннего фронта». Следует, однако, признать, что данный термин, как и сам фронт, оказывается также весьма условным. Мы в своём исследовании исходим из концепции «внутреннего фронта», выработанной выдающимся африканистом И. Копытоффым [6]. Вместе с тем, наше понимание внутреннего фронта неидентично его концепции, хотя и не противоречит ей. Для него внутренний фронт оказывался «зоной взаимодействий», в которых формировались новые общества и даже новые государства. Эти зоны располагались на периферии метрополий, где новые образования получали определённую самостоятельность, но в то же время существовали во взаимодействии с соседними метрополиями. Как правило, наиболее тесные связи сохранялись с обществами, из которых вышли мигранты, откуда и шёл постоянный приток новых мигрантов [6, р. 4–11]. Основное напряжение на этих территориях вырождалось в борьбе за ресурсы между первоначальными насельниками и мигрантами.

Всё сказанное позволяет термин «внутренний фронт» применить в расширительном значении по отношению к территориям, оказавшимся зажатыми между развитыми метрополиями и находящимися во взаимодействии с ними (торговом, военном, культурном и т.д.).

Возможно, мы должны говорить о двух типах обществ внутреннего фронта. Первый из них представлен африканскими обществами [6]. Второй тип – локальные политические образования, такие как Ширванское ханство, Тарковское и Казикумухское шамхальства и другие подобные образования. Практически все они оказались зажатыми метрополиями (Россия, Османская империя, Персия), что ставило их в положение необходимости выбора того или иного союза. Все три метрополии выстраивали свою политику в регионе в зависимости от активности своих оппонентов, действуя порой на опережение.

Но переход под юрисдикцию той или иной метрополии не означал прекращения влияния остальных. Это очень хорошо заметно на примере подобных образований на Северном Кавказе. Добровольное или насильственное присоединение этих территорий к России ни в коей мере не означало снижения влияния на эти народы других метрополий. Даже по сей день влияние Стамбула в данном регионе достаточно значимо и разнообразно.

Можно констатировать, что большинство бывших российских фронтиров так и не утратило различных связей с метрополиями, оказывавшими ранее на них влияние. Как нам кажется, этот особый характер подобных образований не всегда учитывался метрополиями. Они не воспринимались субъектами международного права, а представляли собой лишь некую территорию, отделявшую одну метрополию от другой. В отдельных случаях специально создавались некие квазигосударства, призванные выполнять функции «буферной зоны».

Типичным примером подобного внутреннего фронта может служить Тувинская народная республика (1921–1944). После того, как надобность в этом искусственном образовании отпала, Тувинская республика была включена в состав РСФСР как Тувинская автономная область. Но ещё в 1914 г. эта территория (Урянхайский край) уже была отторгнута у Китая и перешла под протекторат Российской империи. Переселение русских на эту территорию происходило наиболее активно в последней трети XIX в. Данный процесс шёл столь успешно, что в скором времени эта территория уже воспринималась как русская: «Регион всё больше и больше походил на российскую периферию и в качестве такового воспринимался и тувинцами, и русскими, и отчасти даже китайцами» [19, с. 232]. Однако нельзя воспринимать этот регион в начале XX в. как однозначно пророссийский. Симпатии и интересы населения этого региона были весьма противоречивы [20, с. 285]. К пророссийским и прокитайским настроениям следует добавить и промонгольские. Всё это создавало в регионе уникальную ситуацию динамичной гибридности и поликультурности. Но вскоре она разрешилась сама собой. Синхайская революция и последовавшая нестабильность в стране послужили формальным поводом для выхода Тувы из-под контроля Китая, тем более что появился и вполне надёжный предлог, так как Синхайская революция на северной периферии вылилась в стихийные антикитайские настроения, погромы китайских лавок и выдворения китайцев с этой территории [23, с. 16]. В этих условиях тувинцам срочно было нужно найти альтернативную силу, которая могла бы защитить их от возможной мести со стороны Пекина за беспорядки и притеснения китайцев. Всё это привело к тому, что в Туве возникли две противоборствующие силы, каждая из которых стремилась к достижению своих интересов. Одна сила представлена пророссийскими, а другая промонгольскими сторонниками, но в конечном итоге возобладала пророссийская линия. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло давление и самой России на местную знать. Вместе с тем следует признать, что российское правительство не спешило принимать новую территорию в состав Российской империи. Китай навсегда утрачивает контроль над этой территорией.

Однако участь китайских купцов не миновала и русское население Тувы. Вот как описывал происходящее в одном из районов Тувы российский путешественник Н. Леонов: «Здесь на Кемчике в свое время (до 1912 года) была сосредоточена большая часть торговли китайских купцов, и Кемчик долгое время был ареной соперничества. Китайская революция до 1912 г. подорвала торговлю китайцев. Китайские купцы, раздражившие население долговой кабалой, были изгнаны, а их фактории и товар разграблены. Но ещё более жестокая участь постигла русских на Кемчике. Спустя семь лет (когда разразилась русская революция), на Кемчике вспыхнуло восстание. Русские поселенцы Кемчика были не только изгнаны оттуда, но многие были перебиты. Русские фактории были обращены в груды пепла» [21, с. 40]. Но Кемчик был не единственным районом, где недоброжелательное отношение к русским вылилось в грабежи и убийства.

В конечном итоге Тува всё же стала частью Советского Союза, но произошло это лишь в 1944 г. До этого момента её территория оставалась буферной зоной, что во многом устраивало множество сторон.

Во многом вхождение Тувы в состав сначала России, а затем и СССР было определено экономической составляющей и ролью России в освоении этого края. Тува, в силу множества причин, оказалась ближе к северному соседу, и вопрос коммуникации здесь стоял не на последнем месте. Строительство Усинского тракта, сообщения по Енисею в конечном итоге подготовили вхождение этой территории в состав России. Ни китайские, ни монгольские власти

не могли ничего противопоставить российской политике в этом вопросе. СССР смогла выработать целостную политику по инкорпорации республики в свой состав. Это касалось вопросов экономики, политики и культуры.

Легко заметить, как нестабильная политическая и экономическая ситуация в метрополиях отражается на настроениях местного населения на периферийных территориях. Эти настроения подобны маятнику, меняющему своё положение под влиянием полярных сил. Эта ситуация ещё больше усиливается в условиях полиэтничности региона и повышении роли той или иной этнической группы, отстаивающей интересы конкретной метрополии или конкретной идеологии. Всё это надолго дестабилизирует регион.

Очень схожий сценарий разворачивался и на другой периферии, зажатой между двумя странами – Китаем и Россией. Влияние России, а затем СССР в этом регионе было столь велико, что длительное время Пекин практически совсем не контролировал происходящее там. «Институциональный разлом» (по Уеббу) всё ещё даёт знать о себе, оправдывая этимологию названия этой территории: «Синьцзян» – кит. «новый рубеж (граница, предел)».

И хотя мы писали, что в вопросе стратегии у периферии мало выбора, так как она чаще всего оказывается всего лишь объектом политического или культурного процесса со стороны метрополии, но не следует забывать, что и сама метрополия не может выйти за рамки сценария, навязанного фронтальной периферии. Подобную ситуацию сложных отношений мы нередко видим на различных фронтальных территориях в разных точках мира. Расширительное применение фронтальной теории для анализа современных политических, экономических и культурных процессов в периферийных регионах позволяет понять основные тенденции, по которым будут развиваться эти территории и выявить алертные факторы. Институциональный разлом, возникающий на различиях культурного, хозяйственного и языкового характера, требует особых методов и инструментов для его устранения. Здесь следует понимать, что у метрополии и фронтальной периферии чаще всего разные цели, и хотя внешне их действия и интересы могут совпадать в определённые периоды, в продолжительной перспективе этот разлом начинает оказывать решающее значение. В этих условиях на первый план выходят стремления (и центра, и региональной элиты) контролировать региональные ресурсы, желание получить от центра дополнительные преференции за лояльность и в то же время сохранить определённую самостоятельность.

Недооценка научного подхода к поиску выхода из кризиса, разворачивающегося в ряде фронтальных и приграничных территорий, непонимание всей сложности моделей коммуникации в регионе в конечном итоге печально сказывается на стратегиях развития как фронтальной территории, так и метрополии.

Список литературы

1. Anzaldúa, G. *Bordelands / La Frontera. The New Mestiza* / G. Anzaldúa. – San Francisco : Aunt Lute Book Company, 1987. – 260 p.
2. Billington, R. A. *Westward expansion: A History of the American Frontier* / R. A. Billington. – New York : Macmillan, 1960. – 933 p.
3. Cotton, S. *Nine years on the north-west frontier of India from 1854 to 1863* / S. Cotton. – London : R. Bentley, 1868. – 352 p.
4. Forbes, J. D. *Frontiers in American History and the Role of the Frontier Historian* / J. D. Forbes // *Ethnohistory*. – 1968. – Vol. 15, № 2. – P. 203–235.
5. *Frontier and Overseas Expeditions from India* : in 6 vol. – Calcutta, India : Superintendent Government Printing, 1911.
6. Kopytoff, I. *The African Frontier. The Reproduction of Traditional African Societies* / I. Kopytoff. – Bloomington : Indiana University Press, 1989. – 288 p.
7. Lamar, H. *Comparative Frontier History* / H. Lamar, L. Thompson // *The Frontier in History: North America and Southern Africa compared* / ed. H. Lamar, L. Thompson. – New Haven : Yale University Press, 1981. – P. 3–14.
8. Mignolo, W. *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges and Border Thinking* / W. Mignolo. – Princeton : Princeton University Press, 2000. – 416 p.
9. Mignolo, W. *Theorizing from the Borders: Shifting to Geo- and Body-Politics of Knowledge* / W. Mignolo, M. Tlostanova // *European Journal of Social Theory*. – 2006. – № 9 (2). – P. 205–221.

10. Pemberton, R. B. Report on the eastern frontier of British India: with an appendix and maps / R. B. Pemberton, G. Th. Bayfield. – Calcutta, 1835. – 383 p.
11. Ploky, S. The Gates of Europe: A History of Ukraine / S. Ploky. – New York : Basic Books, 2015. – 432 p.
12. Powell, E. A. The last frontier; the white man's war for civilisation in Africa / E. A. Powell. – New York : C. Scribner's sons, 1912. – 291 p.
13. Richardson, L. Statistics of Deadly Quarrels / L. Richardson. – Pittsburgh : Boxwood, 1960. – 373 p.
14. Starr, H. The Substance and Study of Borders in International Relations Research / H. Starr, B. Mast // International Studies Quarterly. – 1976. – Vol. 20, № 4. – P. 581–620.
15. Turner F. J. The Significance of Sections in American History / F. J. Turner. – New York : Holt, 1932. – 347 p.
16. Webb, W. P. The Great Frontier / W. P. Webb. – Austin : University of Texas Press, 1964. – 434 p.
17. Webb, W. P. The Great Plains / W. P. Webb. New York : Grosset & Dunlap, 1957. – 525 p.
18. Weir, A. The Martian / A. Weir. – London : Del Rey, 2014. – 384 p.
19. Дацышен, В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616-1911 гг. / В. Г. Дацышен. – Москва : Direct-Media, 2014. – 309 с.
20. История Тувы : в 2 т. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. – Новосибирск : Наука, 2001. – Т. 1. – 367 с.
21. Леонов, Н. Танну – Тува: страна голубой реки / Н. Леонов. – Москва : Об-во политкаторжан, 1927. – 58 с.
22. Тёрнер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер. – Москва : Весь Мир, 2009. – 304 с.
23. Шостакович, С. В. Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем / С. В. Шостакович. – Иркутск : Власть труда, 1929. – 48 с.
24. Якушенков, С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Ч. 2 / С. Н. Якушенков // Журнал фронтальных исследований. – 2017. – № 1. – С. 8–36. – Режим доступа: http://frontierstudies.com/publish/publish_23_4_2017_22_45_28/publish23_4_2017_22_45_28.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз, рус.

References

1. Anzaldúa G. *Bordelands / La Frontera. The New Mestiza*. San Francisco, Aunt Lute Book Company Publ., 1987, 260 p.
2. Billington R. A. *Westward expansion: A History of the American Frontier*. New York, Macmillan Publ., 1960, 933 p.
3. Cotton S. *Nine years on the north-west frontier of India from 1854 to 1863*. London, R. Bentley Publ., 1868, 352 p.
4. Forbes J. D. Frontiers in American History and the Role of the Frontier Historian. *Ethnohistory*, 1968, vol. 15, no. 2, pp. 203–235.
5. *Frontier and Overseas Expeditions from India*: in 6 vol. Calcutta, 1911.
6. Kopytoff I. *The African Frontier. The Reproduction of Traditional African Societies*. Bloomington, Indiana University Press, 1989, 288 p.
7. Lamar H., Thompson L. *Comparative Frontier History. The Frontier in History: North America and Southern Africa compared*. New Haven, Yale University Press, 1981, pp. 3–14.
8. Mignolo W. *Local Histories / Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges and Border Thinking*. Princeton, Princeton University Press, 2000, 416 p.
9. Mignolo W., Tlostanova M. Theorizing from the Borders: Shifting to Geo- and Body-Politics of Knowledge. *European Journal of Social Theory*, 2006, no. 9 (2), pp. 205–221.
10. Pemberton R. B., Bayfield G. Th. *Report on the eastern frontier of British India: with an appendix and maps*. Calcutta, 1835, 383 p.
11. Ploky S. *The Gates of Europe: A History of Ukraine*. New York, Basic Books Publ., 2015, 432 p.
12. Powell E. A. *The last frontier; the white man's war for civilisation in Africa*. New York, C. Scribner's sons Publ., 1912, 291 p.
13. Richardson L. *Statistics of Deadly Quarrels*. Pittsburgh, Boxwood Publ., 1960, 373 p.
14. Starr H., Mast B. The Substance and Study of Borders in International Relations Research. *International Studies Quarterly*, 1976, vol. 20, no. 4, pp. 581–620.
15. Turner F. J. *The Significance of Sections in American History*. New York, Holt Publ., 1932, 347 p.
16. Webb W. P. *The Great Frontier*. Austin, University of Texas Press, 1964, 434 p.
17. Webb W. P. *The Great Plains*. New York, Grosset & Dunlap Publ., 1957, 525 p.
18. Weir A. *The Martian*. London, Del Rey Publ., 2014, 384 p.

19. Datsyshen V. G. Sayanskiy rubezh. Yuzhnaya chast Prieniseyskogo kraya i russko-tuvinskie otnosheniya v 1616–1911 gg. [Sayan boundary. The southern part of the Yenisei region and Russian-Tuvan relations in 1616–1911]. Moscow, Direct-Media Publ., 2014, 309 p.

20. *Istoriya Tuvy: v 2 tomakh* [History of Tuva: in 2 vol.]. Ed. by S. I. Vaynshteyn, M. Kh. Mannay-oola Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, vol. I, 367 p.

21. Leonov N. *Tannu – Tuva: strana goluboy reki* [Tannu – Tuva: the country of the Blue River]. Moscow, Publ. House of the Polittkorporzhan Society, 1927, 58 p.

22. Ternier F. J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History]. Moscow, Mir Publ., 2009, 304 p.

23. Shostakovich S. V. Politicheskiy story i mezhdunarodno-pravovoe polozhenie Tannu-Tuivy v proshlom i nastoyaschem [Political structure and international legal position of Tannu-Tuva in the past and present]. Irkutsk, Vlast truda Publ., 1929, 48 p.

24. Yakushenkov S. N. *Na granitse tuchi khodyat khmuro, kray surovyy tishinoy obyay. Chast 2* [Gloomy clouds cover the border – the stern land is enveloped in silence. Part 2]. Available at: http://frontierstudies.com/publish/publish_23_4_2017_22_45_28/publish23_4_2017_22_45_28.pdf.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Храпов Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Вопрос о природе идентификации очень сложный и многоаспектный, требующий не только глубокого междисциплинарного анализа, но и учёта специфики контекста бытия человека. По сути, именно идентификация всегда определяла путь развития человека от рождения до смерти, когда культурные образы-идентификаторы являлись «маяками», ориентирами, целями и определяли образ жизни и её смыслы, а социум формировал типы, стили и механизмы идентификации. Техногенная революция, которая сначала изменила производство и экономику, а затем «вторглась» и в «тонкий» мир духовного бытия – парадоксальным образом трансформировала культуру и человека, и, очевидно, что кардинально изменила процессы идентификации. В этой статье мы попытаемся в общих чертах ответить на два актуальных для современного социогуманитарного знания вопроса: 1. В чём заключается специфика социокультурного контекста техногенной цивилизации? 2. Каковы факторы проблемности идентификации человека и основные тенденции её проявления? Ответы на эти вопросы в определённой степени позволят сформировать более чёткое представление о природе и процессах идентификации современного человека, а также позволят выработать меры по нивелированию её кризисных проявлений.

Ключевые слова: идентификация, социокультурный контекст, техногенная цивилизация, техноидеология, техника, сознание, ценности, культура, общество, человек

PROBLEMS OF HUMAN IDENTIFICATION IN THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT OF INDUSTRIAL CIVILIZATION

Khrapov Sergei A., D.Sc. (Philosophy), Professor
Astrakhan State University
20 a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

The question of the nature of identification is very complex and multifaceted, requiring not only a deep interdisciplinary analysis, but also taking into account the specifics of the context of human existence. In fact, it is identification that has always determined the path of human development from birth to death, when cultural

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00095А «Человек-техногенный: когнитивный, социокультурный, виртуальный аспекты формирования». (Was supported by the Russian Foundation for Basic research No. 18-011-00095A "Human-technogenic: cognitive, socio-cultural, virtual aspects of formation".)